

УДК 340**DOI: 10.34670/AR.2023.17.50.003****Экспертиза по уголовным делам в России середины XIX века****Упоров Иван Владимирович**

Доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор,
Краснодарский университет МВД России,
350005, Российская Федерация, Краснодар, ул. Ярославская, 128;
e-mail: Uporov@mail.ru

Аннотация

В статье раскрываются особенности развития института судебной экспертизы в Российской империи в середине XIX в. Анализируются соответствующие правовые акты (том 15 Свода законов Российской империи), научные труды по заявленной теме. Отмечается, что судебная экспертиза была востребована судопроизводственной практикой, когда для выяснения обстоятельств совершенного преступления было необходимо мнение «сведущих людей», то есть специалистов, и прежде всего тогда это касалось медицинской сферы. В то, что судебные экспертизы стали применяться на системном уровне, значительный вклад внес отечественный правовед Я.И. Баршев.

Для цитирования в научных исследованиях

Упоров И.В. Экспертиза по уголовным делам в России середины XIX века // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 1A-2A. С. 22-27. DOI: 10.34670/AR.2023.17.50.003

Ключевые слова

Сведущие люди, экспертиза, Свод законов, акт осмотра, врач, закон, устав.

Введение

Институт судебной экспертизы в России стал формироваться с начала XVIII в., когда к расследованию уголовных дел и во время судебных рассмотрений стали целенаправленно привлекаться специалисты в определенной области знаний. Тогда в качестве таковых выступали прежде всего ученые. Этому способствовало развитие различных наук, что позволяло осуществлять проверки в разных сферах жизни. Например, в Воинском уставе 1716 г. содержалась норма о необходимости привлечение медиков для исследования повреждений на теле и одежде раненых военнослужащих (так, в артикуле 154 предписывалось, чтобы лекари «мертвое тело взрезали и подлинно разыскали, что какая причина к смерти его была»). А позже в одном из поручений от Санкт-Петербургской академии наук доктору Дюверною предписывалось, чтобы он «хлеб освидетельствовал – нет ли в оном какого яда» [Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1, 1885, с. 243]. Как отмечает Н.С. Неретина, «в дальнейшем объем судебно-экспертной деятельности Академии наук стал расширяться, помимо химического анализа документов, металловедческих и токсикологических исследований, появились новые объекты, в том числе взрывчатые вещества и предметы со следами взрыва» [Неретина, 2015, 159].

Постепенно стали выделяться специальные (судебные) органы экспертной деятельности, что отражало необходимость «своеобразного социального заказа» общества и государства науке, а именно – представить сыщику и следователю такие возможности, которые в более короткие сроки могли устанавливать истину при расследовании уголовных дел и тем самым укротить «девятый вал» преступности [Белкин, 1841, 9-10]. В литературе достаточно подробно описаны этапы становления и развития методов осуществления в рассматриваемый период экспертиз (в числе авторов соответствующих трудов – Р.С. Белкин, Л.Б. Бондаренко, Б.Л. Бразоль, Л.Н. Гаврилов, М.В. Горский, А.М. Зинин, В.Г. Коломацкий, И.Ф. Крылов, В.И. Лебедев, Н.П. Майлис, В.П. Макадинский, Н.С. Неретина, Е.Р. Россинская, З.Г. Самошина, С.Н. Трегубов, Ш.Н. Хазиев и др.). В этой связи остановимся на некоторых аспектах, не получивших достаточного освещения. Речь идет прежде всего о том, что по мере наработки практики привлечения специалистов по уголовным делам возникла потребность упорядочивания и правового регулирования экспертной деятельности. Также приведем некоторые примеры экспертных заключений.

Основная часть

Такая работа на системном уровне в России стала проводиться российскими правоведами в первой половине XIX в. Заметим здесь же, что в то время использовалась несколько иная терминология, в частности, одним из основных понятий был «осмотр посредством сведущих людей». Достаточно обстоятельно это следственное действие описал Я.И. Баршев, который, в частности, отмечал, что в случае нужды осмотра предмета исследования посредством сведущих людей необходимо произвести ряд действий при соблюдении определенных условий. В частности, следовало «призывать назначенных для этого самим государством лиц или избирать в противном случае более надежных между ними» [Баршев, 1841, 106]. При этом «лица, в беспристрастном суде которых можно сомневаться, как, например, врач, пользовавшийся умершего от сомнительной причины, должны быть устраняемы от осмотра», а обвиняемый должен иметь право на отвод «сведущего лица» по тем же причинам, по которым

осуществляется отвод судьи. Равным образом это касается и присяги сведущего лица – «но ее не должно требовать от того, кто постоянно назначен и избран для этого навсегда самим государством; о стороны его достаточна присяга, данная им в начале его назначения». Если речь идет об осмотре чего-либо или кого-либо сведущим лицом, то это необходимо делать в присутствии суда или следователя, потому что последние могут делать полезные указания с точки зрения целеполагания экспертизы. Последнее условие состояло в том, что «со стороны лиц, требуемых и назначаемых к осмотру, необходимо немедленное исполнение сего требования, потому что это дело государственное, которому обязан содействовать каждый член государства» [там же, 106-107].

При этом данный автор подчеркивал, что сведущим лицам со стороны суда относительно исследуемого предмета должны быть «предложены столь полные и определенные вопросы, чтобы они могли ясно видеть, о чем им должно дать мнение ... Их мнения, ежели они тотчас могут быть даны ими, например, о ценности предметов, немедленно должны быть записываемы в судейский протокол. В случае сомнений, неясности и неопределенности в их мнениях судья может предлагать им новые вопросы или обращаться ко мнению других» [там же, 107].

Как видно, экспертиза в то время сводилась в основном к медицинской экспертизе, что было востребовано прежде всего по уголовным делам, связанным с убийствами. Соответственно, вопросы проведения такой экспертизы основывались не только на томе 15 Свода законов Российской империи, где в Книге «Свод законов уголовных» содержались судопроизводственные нормы, но и на нормах тома 13, где содержался Свод законов врачебных. Так, согласно ст. 1026 этого тома 13 производить осмотр в уездах предписывалось уездным, а в городах – городским и полицейским врачом, но «ежели они не могут явиться к освидетельствованию, то эта обязанность возлагается на всякого другого военного, гражданского или вольнопрактикующего врача» [Свод законов Российской империи. Т. 15, 1833]. Если же «при этом со стороны требуемых к осмотру медицинских чиновником окажется слушание, замедление и другого рода небрежение к исполнению начальственных распоряжений, то Губернское Правление подвергает их по своему усмотрению взысканиям и предаёт даже суду» (ст. 827 тома 15) [Свод законов Российской империи. Т. 13, 1833]. Законодатель определял также, что «где находится несколько медицинских чиновников, там исследование может быть производимо в присутствии нескольких из них, ежели судебный врач признает это нужным и того потребует важность случая» (ст. 1026 тома 13) [Свод законов Российской империи. Т. 15, 1833]. Судебный осмотр мог производиться не иначе, как по формальному требованию от присутственного места, в котором должны были быть означены предмет исследования, место и время производства его. Призванный судебный врач имел право требовать объяснения ему собранных полицейским исследованием предварительных сведений. Врач, производящий судебное исследование, считался при этом первым, как чиновник, долженствующий иметь по этому предмету особенные сведения, а «все полицейские чиновники, находящиеся при сем акте и понятые на этот случай люди считаются законными свидетелями» (ст. 1034 тома 13).

В Своде законов подчеркивалась важность письменного оформления акта осмотра сведущим лицом, а также конкретности вопросов, которые должны были быть поставлены перед экспертом. В частности, подробный протокол всего хода исследования обязывался вести медицинский чиновник, однако «ежели он занят вскрытием тела, то может поручить записывать, что нужно, со слов его иному лицу. В этом протоколе должны быть записаны все обстоятельства, заслуживающие внимания; по совершенном окончании осмотра протокол

должно прочитать вслух и сличить его с протоколом, в то же время составленным, членом полиции. Забытое в одном немедленно добавляется из другого. После сего он подписывается всеми присутствующими лицами» (ст. 1036 тома 13) [Свод законов Российской империи. Т. 15, 1833]. Для составления акта осмотра или обстоятельного ответа на сделанные присутственным местом вопросы относительно всего, что оказалось и открылось при осмотре, врачу давались сутки, но, исходя из обстоятельств, срок мог быть продлен. При возникшем подозрении о необъективности сделанного осмотра производилось вторичное освидетельствование; оно делалось по требованию Губернского Правления и распоряжению Врачебной Управы, членом ее или иным уездным врачом (ст. 1047 тома 13).

Характерный пример привлечения специалиста (осмотра трупа) приводит в своей работе Г. Замысловский [Замысловский, 1911]. Тогда, в марте 1853 г., на Волге, недалеко от берега, был найден труп некоего Маслова, а через некоторое время, когда Волга уже вскрылась, на Беклемишевом острове, напротив Саратова, в тальнике, обнаружили труп Шерстобитова. В акте осмотра трупов указывалось, в частности, что признаки насильственной смерти обоих мальчиков были несомненны: «У Маслова на голове обнаружили две раны – одна нанесенная тупым, другая – острым оружием. На шее вдавление и рубцы от шерстяного кушака. На правом плече часть кожи вырезана кругообразно ... На руках и ногах синие пятна. Врач, производивший вскрытие, определил, что смерть последовала от удара тупым орудием по голове – настолько сильного, что теменная и височная кости дали трещину от одного уха до другого. После этого удара, но еще до наступления смерти, шею мальчика давили кушаком. Синие пятна на руках и ногах – или от тугих перевязок, или от того, что мальчика очень крепко держали руками – тоже незадолго до смерти. Труп Шерстобитова успел сгнить настолько, что исследовать повреждения на его теле уже не представилось возможным, однако ... на виске обнаружено большое красно-багровое пятно, а значительный кровоподтек, ему соответствовавший, свидетельствовал о прижизненном его происхождении и о том, что сильный удар, нанесенный по виску, если не повлек смерти ребенка, то, во всяком случае, ошеломил и лишил сознания» [там же, с. 17].

Другой «Наружный осмотр убитого тела» был проведен по делу об убийстве женщины в Москве в 1850 г. [Дело в Правительствующем Сенате об убийстве Луизы Симон-Деманш. Печатная записка, 22]. Осмотр проводил врач Тихомиров. В составленном им акте указывалось, в частности, что «тело сложения довольно крепкого, росту среднего, волосы русые, распущенные, с косою, обернутою кругом горла, на передней части шеи ниже гортанных частей находится поперечная, как бы порезанная с ровными расшедшимися краями окровавленная рана, длиною около трех вершков, дыхательное и пищееприемное горло, обе боковые сонные артерии и обе кровезовратные яремные жилы, с повреждением других близлежащих мягких частей и сосудов, совершенно перерезаны; на верхней части всей шеи заметен поперечно вдавленный рубец, в объеме мизинца» [там же, 22]. При этом, однако, о причине смерти означенной женщины врач Тихомиров заключения сделать не смог. Несколько позже тот же врач совместно с полицейскими осуществили, используя современную терминологию, судебно-медицинскую экспертизу, письменное описание которой именовалось «Анатомическое свидетельство тела», и в нем указывалось: «11-го ноября по анатомическому свидетельству тела Симон-Деманш, учиненному в Пресненской частной больнице частным лекарем Тихомировым и старшим по полиции штаб-лекарем Гульковским при частных приставах: Пресненской части Ильинским и Городской части Хотинским и следственным стряпчем Дружинине, оказалось: по вскрытии полостей: 1) головной, что кости черепа целы и швы оных не разошлись, сосуды мозга

и его оболочек малокровны; 2) в полости рта, зева, пищевого канала и дыхательного горла ничего болезненного и противуестественного не было; 3) грудной – легкие и сердце малокровны, правое легкое приросло к подреберной плеве, по отделению мягких частей от ребер с левой стороны под сплошным ярко-красного цвета в четверть листа бумаги величиною пятном на самых ребрах, начиная от передней части верхних ребер до поясницы и до позвонков во весь левый бок, находится большое ссидшееся кровоизлияние, причем седьмое, восьмое и десятое ребра с этой стороны, ближе к соединению их с позвонками, переломлены, а девятое ребро даже с раздроблением кости ... Из всего вышеописанного старший по полиции штаб-лекарь Гульковский и частный врач Тихомиров заключают, что смерть Симон-Деманш последовала от чрезмерного наружного насилия, следствием коего были помянутые повреждения тела, и в особенности от безусловно смертельной раны на передней части шеи» [Дело в Правительствующем Сенате об убийстве Луизы Симон-Деманш. Печатная записка, 24].

Заключение

В целом же, как отмечает А.Р. Иванова, исследуя развитие института судебной экспертизы, «системный и организованный подход к использованию специальных познаний при расследовании преступлений в России установился после введения института предварительного следствия в 1860 году. Становление фундаментальных наук, развитие системы образования, весомость научных кадров стали находить отражение и в уголовном судопроизводстве, развивая научный подход к исследованию доказательств, событий и явлений» [Иванова, 2003, 11]. Однако, очевидно, применительно к середине XIX в. точнее все же говорить о системном регулировании, а не о системном использовании, поскольку фактически специалисты из разных областей знаний уже привлекались к участию в расследовании преступлений. В дальнейшем институт судебной экспертизы был отрегулирован в таком фундаментальном законе, как Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и стал неотъемлемым элементом уголовного судопроизводства.

Библиография

1. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб.: Типография СЕИВК, 1841. 297 с.
2. Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М.: Норма, 1999. 486 с.
3. Дело в Правительствующем Сенате об убийстве Луизы Симон-Деманш. Печатная записка // РО ИРЛИ. Оп. 25. Ед.хр. 156. С. 22.
4. Замысловский Г. Саратовское дело 1853 г. Харьков, 1911. 48 с.
5. Иванова А.Р. Использование специальных познаний при расследовании по горячим следам корыстных и корыстно-насильственных преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. 215 с.
6. Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1885. 732 с.
7. Неретина Н.С. От научных лабораторий к судебно-криминалистическим. Развитие судебной экспертизы в XVIII–XIX вв. // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 2 (51). С. 158-164.
8. Свод законов Российской империи. Т. 13. СПб.: Типография СЕИВК, 1833. 958 с.
9. Свод законов Российской империи. Т. 15. СПб.: Типография СЕИВК, 1833. 565 с.

Expertise on criminal cases in Russia in the middle of the XIX century

Ivan V. Uporov

Doctor of History, PhD in Law, Professor,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
350005, 128 Yaroslavskaya str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: Uporov@mail.ru

Abstract

The article reveals the features of the development of the institute of forensic examination in the Russian Empire in the middle of the 19th century. The relevant legal acts (volume 15 of the Code of Laws of the Russian Empire), scientific works on the stated topic are analyzed. It is noted that the forensic examination was in demand by judicial practice, when the opinion of "knowledgeable people", that is, specialists, was necessary to clarify the circumstances of the crime, and first of all it concerned the medical field. A significant contribution to the fact that forensic examinations began to be applied at the system level was made by the domestic jurist Ya.I. Barshev

For citation

Uporov I.V. (2023) Ekspertiza po ugovolnykh delam v Rossii serediny XIX veka [Expertise on criminal cases in Russia in the middle of the XIX century]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (1A-2A), pp. 22-27. DOI: 10.34670/AR.2023.17.50.003

Keywords

Knowledgeable people, expertise, Code of Laws, inspection report, doctor, law, charter.

References

1. Barshev Ya.I. (1841) *Osnovaniya ugovolnogo sudoproizvodstva s primeneniem k rossiiskomu ugovolnomu sudoproizvodstvu* [Grounds for criminal proceedings with application to Russian criminal proceedings]. Saint Petersburg: Publishing House of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
2. Belkin R.S. (1999) *Istoriya otechestvennoi kriminalistiki* [History of domestic criminalistics]. Moscow: Norma Publ.
3. Delo v Pravitel'stvuyushchem Senate ob ubiistve Luizy Simon-Demansh. Pechatnaya zapiska [Case in the Governing Senate about the murder of Louise Simon-Demanche. Printed note]. *RO IRLI. Op. 25. Ed.khr. 156.* p. 22.
4. Ivanova A.R. (2003) *Ispol'zovanie spetsial'nykh poznanii pri rassledovanii po goryachim sledam korystnykh i korystno-nasil'stvennykh prestuplenii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The use of special knowledge in the hot pursuit of mercenary and mercenary-violent crimes]. Omsk.
5. *Materialy dlya istorii Imperatorskoi Akademii nauk. T. 1* [Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 1] (1885). Saint Petersburg: Publishing house of the Imperial Academy of Sciences.
6. Neretina N.S. (2015) Ot nauchnykh laboratorii k sudebno-kriminalisticheskim. Razvitie sudebnoi ekspertizy v XVIII–XIX vv. [From scientific laboratories to forensic laboratories. The development of forensic expertise in the 18th–19th centuries]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2 (51), pp. 158-164.
7. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. T. 13* [Code of laws of the Russian Empire. Vol. 13] (1833). Saint Petersburg Publishing House of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
8. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. T. 15* [Code of Laws of the Russian Empire. Vol. 15] (1833). Saint Petersburg: Publishing House of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
9. Zamylovskii G. (1911) *Saratovskoe delo 1853 g.* [Saratov case of 1853]. Khar'kov.